

1810 ФРИДЕРИК ШОПЕН 1960

ШОПЕН. С гравюры художника Ф. ЛИТРИХА.

Галина УЛАНОВА

«ШОПЕНИАНА»... С этим прекрасным творением танцевального искусства я заканчивала когда-то хореографическое училище, и оно знаменовало начало моего артистического пути. С тех пор в Шопене воплотились для меня высшие проявления человеческого духа — поэзия, музыка и танец.

Владимир СОФРОНИЦКИЙ

ИСПОЛНЯЕТСЯ 150 лет со дня рождения Фридриха Шопена... Весь мир, все культурное человечество празднует эту дату.

Шопен — воплощение гуманизма, любовь ко всему живому, вечный призыв к миру, к свету, непоколебимая вера в торжество добра и правды, победы сил созидания над силами разрушения и зла.

22 февраля в Варшаве откроется Международный конкурс пианистов имени Фридриха Шопена. Я уверен, что советские музыканты — его участники, представят школу, снискавшую мировое признание, как и в прошлые годы, покажут высокое мастерство, по-новому раскроют великую правду музыки Шопена.

Евгений МАЛИНИН

Для меня Шопен — сама музыка... В его вечных творениях — непосредственность и мудрость, кипение страстей и самая задушевная поэзия, нежность как недостижимая мечта и подлинная человечность. И слушать, и играть Шопена — наслаждение.

Мне кажется, что не любят Шопена только люди, шеголяющие своим снобизмом.

Виктор МЕРЖАНОВ

Вряд ли найдутся слова, способные полностью передать те богатейшие ощущения, которые вызываются в нас музыкой Шопена. Мало можно назвать композиторов, творчество которых так поражающе было глубиной и благородством мыслей, стройностью формы, гибкостью ритма, тонкостью гармоний и удивительным разнообразием.

Нет таких черт характера, темперамента, эмоций человека, которых бы не заметил Шопен, не отразил бы в звуках. В его музыке запечатлены чистая любовь и нежная печаль, народный юмор и неповторимая грациозность танца, героизм и страстное стремление народа к свободе.

Его творчество пронизано любовью к человеку. Оно будит все лучшее, что в нас есть, и единственно, чему нет места в творчестве Шопена, — это всему низменному, жестокому и пошлому.

Сейчас, когда повсюду ведется напряженная борьба за высокие идеалы, за счастье человека против всего низменного и злого, значение музыки Шопена особенно возрастает. Нет сомнений, что среди борцов за прекрасное, гуманное одним из первых должен быть назван великий польский композитор Шопен.

Георгий СВИРИДОВ

ШОПЕН... Очарование его музыки живет в моем сердце со времен далекой юности.

НОВЫЕ КНИГИ О ШОПЕНЕ

Почитатели Шопена смогут скоро приобрести новые книги Государственного музыкального издательства, посвященные великому композитору. Уже вышла в печать работа Л. Синяверы «Шопен», рассчитанная на самых юных читателей. Во второй раз, в значительно переработанном виде, с большим количеством иллюстраций, вы-

скается монография Ю. Кремлева, которая содержит развернутую биографию и анализ творчества Фридриха Шопена. Переиздается также с рядом дополнений капитальное исследование о нем, написанное А. Соловьевым. К сборнику дней выйдет сборник статей о Шопене советских музыковедов. Несомненный интерес представит плакат-выставка о Шопене.

ВЕЛИКИЙ СЫН ПОЛЬШИ

ФРИДЕРИК ШОПЕН... Достаточно назвать его имя, чтобы нами овладела воспоминания о его музыке, о его мазурках и балладах, полных, этиках и других произведениях, вот уже более ста лет живущих в сердцах людей и сохранивших всю свою свежесть, молодость и поэзию. Не многие композиторы могут сравниться с ним в широчайшей, поистине всемирной популярности. Чем же велик Шопен, какой неугасимый огонь пылает в его музыке, согреть людские души?

Мы знаем, что Шопен был великим и несравненным поэтом фортепьяно, но разве мы ценим его только за удивительный пианизм, и разве не было рядом с ним другого великого пианиста — Ференца Листа? Шопен был смелым новатором, создававшим свои жанры фортепьянной музыки (как, например, баллада), вдохнувшим новую жизнь в старое. Но разве не было в его время и других дерзновенных гениев, и разве современники слушателей не должны помнить о приоритете композитора, чтобы проникнуться очарованием его музыки? Шопен был одним из ярчайших представителей музыкального романтизма, богатого одаренной творческой натурой. Но ведь таким же вдохновенным музыкантом-романтиком был и Роберт Шуман. Что же делает Шопена единственным в своем роде, почему Шуман видел в нем «самое смелое и самое поэтическое вдохновение нашего времени», почему его музыка стала гордостью польского народа и завоевала любовь всех народов мира?

На этот вопрос ответили уже и сам Шуман, и Лист, и Рубинштейн, и Стасов, писавшие о страстной привязанности Шопена к своему отечеству. Он был первым, кто ввел в область фортепьянной музыки тему родины, кто развил ее с гениальной силой, с любовью и с глубокой искренностью, выдвигавший ее в первый ряд величайших мастеров мирового искусства.

ТЕМА РОДИНЫ вошла уже в ранние сочинения Шопена, написанные еще в Варшаве; она выступает в них в образах лирических-светлых, иногда грустно-задумчивых и всегда полнокровных, жизнеутверждающих. Она получила новое звучание в годы жизни на чужбине, когда композитор с такой болью переживал страдания своего народа. Чувство скорби, гнева и протеста вызвало к жизни этюды до минор (op. 10 и 25) и для минор (op. 25), первое скерцо, полонеза до минор, фантазия и многие другие страницы музыки Шопена. В чудесных мазурках оживали образы далекой Польши, к ней

летели мечты композитора, она была в центре его помислов. В него в торжественно-своеобразной форме выразилась музыка Шопена великую скорбь о родине и великую веру в нее. Сердце композитора, возмущенное «самым благородным из земных чувств — любовью к родине» (слова Листа), подсказывало ему верный путь. Конечно, в его искусстве есть черты идеализации, однако оно не стало от этого менее искренним, менее великим. В этом отношении Шопен можно сравнить с другим великим сыном Польши — Адамом Мицкевичем.

Истинный смысл шопеновского творчества можно раскрыть, хотя бы на примере полонеза фа диез минор. Вслушайтесь в его грозные нарастающие, в железные ритмы шествия, в которые вливаются печальные и мужественные песенные напевы, вдувайтесь в простую и непритязательную, трогательную в своей чистоте мотив мазуры среднего эпизода, расцветающей во всей своей прелесть, чтобы снова отступить в дальнюю даль перед напором неумолимо нарастающего бедствия. Критики-идеалисты слышат здесь крик истерзанной души, измученной тяжестью собственных переживаний. Душа Шопена была действительно истерзанна, через нее проходила расколосившая сердце поэта мировая трагедия, о которой писал Гейне; она несла в себе не только личную скорбь, но и горе народа. И в полонезе фа диез минор рассказана повесть народных страданий, в нем звучит и голос робкой, но верной надежды, поддерживающей людей в часы тяжелейших испытаний. Здесь, как и во многих других произведениях великого польского композитора, образы общественного, исторического значения выражены в форме глубоко лирической, личной.

ШОПЕН по-своему решает проблему, сохранившую свое значение и для искусства наших дней: проблему сочетания личного и общественного, субъективного и объективного. Сколько ложного внесено в ее понимание сторонниками теории «башни из слоновой кости», крайними индивидуалистами, абстракционистами и многими другими, пытающимися увести искусство с пути реализма! А Шопен всем своим творчеством показывает пример чуткого вслушивания в голоса жизни и умения сливать с ними свои мысли и чувства.

Конечно, в сложном и богатом наследии Шопена выражены ярче и

полнее всего богатейший мир его лирических переживаний. Но за всеми ними скрывается нечто большее, чем художественная лептосность собственной души. В музыке Шопена мы находим не обобщенное изображение романтического мягкого духа, как это полагают некоторые музыковеды, а вполне конкретное изображение образов страдальческой роины, живших в сердце композитора. Что же касается субъективности начала его музыки, то об этом прекрасно сказал А. Рубинштейн: «его субъектом был весь народ, который поет его музыкой».

Здесь мы подходим к другой важнейшей особенности шопеновского творчества, также имеющей громадное значение для искусства современности: к его прочной связи с традицией польского народного творчества. «Ты знаешь, как я стремился почувствовать нашу народную музыку и отчасти достиг этого», — писал композитор одному из своих друзей. Он достиг этого не только в тех произведениях, где общность с фольклором бросается в глаза, но и во многих других, не сразу ее обнаруживающих. Реальная музыкальная индивидуальность Шопена расцвела на благодатной почве польской песни, чьи интонации и ритмы стали достоянием композитора, обогащая его фантазию. И в этом так же ощущается подлинная современность творческих принципов Шопена, развивающего традицию польской народной музыки с присущими ей пленительностью и сердечной тоской, гибкостью и силой. Глубоко прав был Стасов, писавший: «Могучая нота польской национальности, ненасытная страстная привязанность к своему отечеству никогда не иссякала в нем и прозвонила величавую, глубокую черту в его созиданиях».

Эта нота отзывается в сердцах людей всех стран, ибо каждому из них понятно и близко то, что волновало великого польского композитора. Говоря это, я вновь вспоминаю то, чему мне довелось быть свидетелем в Варшаве, в майские дни 1945 года.

Несколько советских музыкантов направлялись на концерт, организованный для детей. Путь к единственномуцелевому залу шел мимо руин Краковского предместья — улицы, где некогда жил юный Шопен. Невозможно было остаться спокойным при виде страш-

ных ран, нанесенных прекрасному городу, но еще тяжелее было увидеть лица детей.

На них не было ни тени улыбки, ни оживления, так украшающих лицо ребенка, они были серьезны, угрюмы и мрачны не по годам: это были дети много-страдальной столицы, прошедшие через огонь и мучки, и ничто, казалось бы, не могло вывести их из тягостного оцепенения. Но вот зазвучала музыка Шопена, и постепенно лица стали оживать, а в конце маленькие слушатели разразились бурными, несомненно аплодисментами. Все стихло, когда на астраду поднялся старый учитель, сказавший со слезами на глазах: «Никогда не забывайте, дети, этот день, когда после долгой разлуки мы снова услышали нашего Шопена, и его сыграли вам советские музыканты!».

В ТОТ ДЕНЬ мы с необычайной ясностью ощутили значение шопеновской музыки для Польши, для человечества. С тех пор прошло немало времени, дети выросли, живут в возрожденной Варшаве, и некоторые из них, быть может, стали музыкантами. И хочется думать, что для всех них память день, когда родные звуки шопеновской музыки вернули их в свободный и прекрасный мир, устремленный в будущее.

Нельзя не вспомнить здесь слова Листа: «Слушая некоторые полонезы Шопена, видишь будто твердую, тяжелую поступь людей, вступающих с доблестной отвагой против всего самого наглого и несправедливого в судьбе человека». Да, прекрасная и благородная музыка польского композитора действительно проникнута высоким гуманистическим пафосом. По самой сути своей она враждебна всему темному, косному, вставшему на пути человечества, и голос ее звучит и сейчас в полную силу. Вот в чем истинное значение искусства Шопена, вот почему оно так дорого и близко людям, чуждо отталкивающим на все богатство его многогранного содержания. И повсюду, будь то поэтически мечтательный ноктюрн или мятежное скерцо, лирически взволнованный аккомпанемент или эпическое повествование баллады, будь то драматическая напористая борьба, бушующая в первой части сонаты си бемоль минор, либо светлая восторженность баркаролы, повсюду видны черты одного из гармоничнейших и человечнейших гениев мирового искусства.

Еще при своей жизни он нашел признание в нашей стране. Нет необходимости напоминать здесь все известные факты, но невозможно не вспомнить еще раз о горячей любви наших композиторов-классиков к своему польскому собрату, об опере Римского-Корсакова «Пан Боево-да», посвященной его памяти, о Балакиреве, так много сделавшем для сооружения памятника на его родине — Желязовой Воле. Мы не можем не сказать и об А. Рубинштейне — этом замечательнейшем исполнителе шопеновской музыки, и о С. Рахманинове, с потрясающей силой сыгравшем си бемоль минор.

Шопен стал одним из самых любимых композиторов советских людей. Наша пианистическая молодежь с любовью обращается к его наследию и достигает больших успехов в его исполнении — об этом говорят многочисленные победы на международных конкурсах. Сотни тысяч любителей музыки по-прежнему находят в музыке Шопена источник высоких чувств и красоты, прислушиваясь к ее голосу и слыша в нем отзвуки мыслей и чувств польского народа, который сейчас строит новую жизнь на своей свободной земле. И сейчас, когда Польша торжественно отмечает 150-летие со дня рождения Шопена, мы также отмечаем эту памятную дату.

В 1918 ГОДУ Владимир Ильич Ленин включил имя Шопена в список деятелей мировой культуры, которым должны быть воздвигнуты памятники. Шопен заслужил эту высокую честь: он был великим сыном Польши, он обращался ко всему человечеству, и сейчас его голос слышится с голосом тех, кто отстаивает мир и счастье грядущих поколений.

И. МАРТЫНОВ.

ЛАУРЕАТЫ ШОПЕНОВСКИХ КОНКУРСОВ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ конкурсы пианистов имени Фридриха Шопена уже давно стали ответственнейшими творческими соревнованиями молодых музыкантов. Получить звание лауреата на шопеновском конкурсе — высокая честь для каждого пианиста, сколь бы ни был велик его «последний лауреатский список».

Шопеновские конкурсы ведут свою историю с 1927 года.

Советская фортепьянная школа убедительно показала свои высокие достоинства уже на первом конкурсе имени Шопена. Одной из крупнейших сенсаций международной художественной жизни того времени была блестящая победа, одержанная в этом труднейшем творческом состязании никому ранее не известным юной Льюмой Оборин. Лауреатским званием было отмечено и искусство Григория Гинзбурга. Почетный диплом присудили Юрию Брюшковым. Любопытно, что дипломантом этого конкурса пианистов был также Дмитрий Шостакович.

Большая группа нашей пианистической молодежи добилась значительных успехов на втором шопеновском конкурсе в 1932 году. Звание лауреата на нем получили А. Лифер, Л. Сагалов, Т. Гутман, Э. Гроссман, почетные дипломы — А. Дьяков, А. Иохелев, В. Разумовская, П. Серебряков.

Блестящую победу в 1937 году на третьем конкурсе имени Шопена одержал Я. Зан. Вторую премию на этом конкурсе завоевала Р. Тамаркина, Т. Гольдфарб получила звание лауреата, Н. Емельянова — почетный диплом.

Четвертый международный конкурс пианистов имени Шопена был организован уже после второй мировой войны, в 1949 году. Первую премию на нем получил Б. Давидович. В числе лауреатов конкурса были Ю. Муравлев, Б. Малинин, Т. Гусев, В. Мержанов, Л. Соснин, Ю. присудили почетный диплом.

На пятом шопеновском конкурсе в 1955 году вторую премию завоевал В. Аппенхайм. Лауреатскими званием, жюри отделило и Ю. Штаркмана, Д. Паперно, Д. Сахарова, дипломами и почетными премиями — искусство Н. Лельчук и И. Сиволовой.

ГЕНИЙ МУЗЫКИ

Беседа с председателем советского юбилейного комитета профессором А. В. СВЕШНИКОВЫМ

Нынешний год для любителей музыки Шопена особенный. Во всем мире торжественно отмечается 150-летие со дня рождения гениального композитора. Юбилейные торжества будут продолжаться несколько месяцев и приобретут поистине грандиозный размах. Достаточно сказать, что одна только программа первого Международного шопеновского конгресса музыковедов, который состоится в Варшаве, включает в себя свыше 130 докладов.

В нашей стране в день рождения Шопена, 22 февраля, состоится торжественное заседание в Большом зале Московской консерватории. В концертных залах столицы пройдут многие десятки концертов, посвященных великому музыканту Польши. На Украине и в Литве, в Латвии и Молдавии, в Грузии и Азербайджане, в Ленинграде и Сибири, на Урале и в Поволжье — во всех наших республиках, краях и обла-

стях филармонии подготовили специальные программы и целые циклы из шопеновских произведений. Даже краткий перечень всего того художественно интересного, что организуется у нас в связи с шопеновскими торжествами, занял бы очень много места.

Шопеновские юбилейные концерты в нашей стране уже начались. Они проходят с огромным успехом. Еще и еще раз убеждаешься в том, что гениальная музыка польского художника, столь любимая русскими классиками, приобрела у нас поистине всенародное звучание. Музыка эта близка нам своим гордым свободолюбием, душевным благородством, глубокой любовью к родному, к своему народу, к отчизне, вдохновенным восторженным красота жизни и души человека, отрицанием всего низменного, пошлого, злого. И нет сомнения, что она еще долго будет жить в сердцах миллионов слушателей.

РУКОЮ КОМПОЗИТОРА

ДВА небольших листка из почтовой бумаги в углу первого тома «Листов», посвященных от времени, сложенные вдвое, когда-то были запечатаны уродливым сургучом — остатки его сохранились.

Перед автографом Шопена. Он принадлежал одному из петербургских коллекционеров, а сейчас хранится в отделе рукописей Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Даты на письме нет. Шопен послал его польскому композитору, пианисту и педагогу Антонию Конскому (1817—1899), учившемуся в Москве, долгое время жившему в России.

Другой автограф основанной польской музыкальной классики, хранящийся в той же библиотеке, — это большое письмо, посланное Шопеном через полмесяца по приезде в Париж известному польскому пианисту и композитору, профессору Варшавской консерватории, школы Юзефа Новановскому (1800—1865).

В этом письме великий польский композитор приглашает Новановского в Париж, но предупреждает о трудностях жизни в столице Франции: «Здесь очень трудно заручиться уроками и еще труднее устраивать концерты». Общество очень утомлено разными обстоятельствами, главным образом политическим положением, парализовавшим всю страну, а сверх того, здесь имеется целая толпа ослов и чертей, препятствующих истинным талантам достойно показать себя».

«СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА»

20 февраля 1960 г. 3 стр.

«Шляпу долой, господа! Перед вами гений!», (Р. Шуман).
«Вы слышали этюды Шопена? — Они восхитительны...», (Ф. Лист).
«Чистый, великодушный, добрый, соболевующий, он полон был одним чувством... любовью к родине», (Ф. Лист).
«Чистая мелодия, шедшая от Моцарта, через Шопена и Глинку, жива поныне и должна жить без нее судьба музыки — декадентство», (Н. Римский-Корсаков).
«Положительно непостижимо, каким образом в Шопене, в одном лице, совместились две гениальные особенности, дар величайшего мелодиста и гениальнейшего и оригинальнейшего гармониста», (Н. Римский-Корсаков).
«Обаятельность и сила Шопена — в его волшебном логическом знании «инструментовки» фортепьяно», (Б. Асафьев).
«Бард, рапсод, дух, душа этого инструмента — это Шопен», (А. Рубинштейн).
«Здесь вся Польша — ее народная драма, ее быт, ее чувства, ее характер страны, ее думы и песни... видишь людей, их движения и жесты; через напевы слышишь душа народа», (Б. Асафьев).
«Подле Шопена я совсем забываю об игре пианистов, мастеров старой школы, я погружаюсь в нежную глубину его музыки, в горестные порождения его творчества, столь же совершенные, как и глубоко, Шопен — великий музыкальный поэт», (Г. Гейне).

«Сущность характера Шопена — есть истинное и полнейшее воплощение в наши дни божественного духа страстности, душевного страдания и лирической самоуглубленности», (В. Стасов).
«Не знаю, почему я отдаю предпочтение музыке Шопена, но он меня всегда глубоко трогает. Его музыка родственна душе моей», (М. Балакирев).
«Неисчерпаемая, страстная привязанность к своему отечеству никогда не иссякала в нем и провела величавую глубокую черту в его созиданиях», (В. Стасов).
«Шопен... первый стал стремиться к тому, чтобы передавать народные мелодии... Он первый посмел изображать их со всеми их нарушениями правил... ничуть не прилагавая, не ополшая и не модернизируя их», (В. Стасов).
«Прелюдии Шопена каждому музыканту следует иметь на своем столе наравне с «Хорошо темперированным клавиром» Баха и сонатами Бетховена», (А. Рубинштейн).
«Шопен есть самое полное отрицание музыкального формализма», (А. Луначарский).
«Каждая нота у Шопена — чистое золото», (А. Рубинштейн).
«Шопен, как верный друг, говорит только истину. В его музыке — непоколебимая правдивость чувства, мечта о будущем, кристальная ясность горячей, извлеченной мысли», (Д. Шостакович).

Памятник Шопену в парке Лазенки (Варшава). Скульптор Шегелев.